

# Предания о пугачевщине в записи П.И. Якушкина

— Да вот, хоть Пугача взять...

— Тоже богатырь был?

— Тоже воитель был храбрый.

— Кто ж этот Пугач был?

— Говорю, воитель храбрый, простой казак, наш донской, а по прозвищу Емельян Пугачев — храбрый воитель, только пил уж очень крепко.

— Не так давно: моя бабушка его видеть не видала, а слышать слышала его речи... на пол аршина от него была, и того меньше, а видеть не видала! — прибавил казак Зелена я шуба<sup>1</sup>.

— Как так?

— А вот как: бабушка моя взята из Дубовки; когда под Дубовку подходил Пугач, бабушка моя была девка на выданье, женихи уж сватались, сватов засылали, да у ней еще сестра была. Как прослышал их отец, а мой, выходит, прадед, взял обеих дочерей и посадил под пол, а сам с попами в ризах, с иконами, со всеми казаками, да с колокольным звоном и пошли навстречу Пугачу. Пугач ничего. Спросил, где все начальники. Прадед вошел к нему с хлебом с солью. «Все разбежались», — говорит прадед. Пугач принял. «К тебе в гости, атаман, приехал», — сказал Пугач, а прадед ему в ноги большим поклоном поклонился. Приехал Пугач к прадеду верхом; лошадь, бабушке говорили, вся разубранная... вошел в избу, старым крестом перекрестился; сел за стол, велел подать водки, так всю ночь и прогулял со своими ребятами, и прадеда с собой посадил... Бабушка часто любила про Пугача рассказывать... Сама его не видала: она с сестрой всю ночь просидела под полом, а что слышала и что люди ей говорили, бывало, нам, покойница и рассказывает...

— И много бабушка ваша рассказывала?

— Сама-то она почесть Пугача-то и не слыхала: целые сутки под полом дрожмя продрожала; ей было только про свою душу помнить, а после что от людей слышала, она и рассказывала нам; мы еще тогда ребяташками были.

— А зверь был этот Пугачев?

— Нет, человек был добрый! Разобидел ты его, пошел против него баталией... на баталии тебя в полон взяли; поклонился ты ему, Пугачеву, — все вины тебе отпущены и помину нет... сейчас тебя, коли ты солдат, — а солдаты тогда, как девки, косы носили, — сейчас тебя, друга милого, по-казацки в кружок подрежут, и стал ты им за товарища... Добрый был человек: видит, кому нужда, сейчас из казны своей денег велит выдать, а едет по улице — и направо и налево пригоршнями деньги в народ бросает... Придет в избу — иконам помолится, старым крестом, там поклонится хозяину, а после сядет за стол. Станет пить — за каждым стаканчиком перекрестится. Как ни пьян, а перекрестится... Только хмелем зашибался крепко!..

— Ну, а кто пойдет супротив его, возьмут кого в полон, а тот не покоряется, — тогда что?

— Тогда что: кивнет своим, — те башку долой те и уберут. А коли на площади или на улице суд творил, там голов не рубили, там, кто какую грубость или супротивность окажет, тех вешали на площади тут же. Еще Пугач не выходил из избы суд творить, а уж виселица давно стоит. Кто к нему пристанет, ежели не казак, — по-казацки стричь, а коли супротив его, — тому петлю на шею... Только глазом мигнет, молодцы у него приученные... глядишь, уж согрубитель ногами дрыгает...

1 Один из спутников Якушкина, участник общей беседы.